

В.К.Косс

ТЫ ПОЗНАКОМИЛ МЕНЯ СО СВОЕЙ ЖЕНОЙ

18+

В.К. Косс

**Ты познакомил
меня со своей женой**

«Автор»

2026

Косс В.

Ты познакомил меня со своей женой / В. Косс — «Автор», 2026

«Познакомься. Это Ирина, моя жена». Полгода Марта верила, что Артём свободен. Делила с ним утренний кофе, строила выставку его фотографий, собиралась познакомить с матерью. На открытии, среди гостей и общих знакомых, он представляет ей жену. А саму Марту — как человека, который сделал им экспозицию. Артём говорит, что их брак давно закончился. Но Марта помнит свой прямой вопрос и его ответ: «Мы развелись». Теперь ей предстоит забрать вещи из знакомой квартиры, защитить собственную работу и понять, чего она хочет от мужчины, которого всё ещё любит. Забыть его не получается. Верить на слово — тоже. Их связывают общие проекты, несостоявшиеся планы и близость, которая не исчезла вместе с доверием. А впереди — собственная программа Марты и новая встреча с Артёмом. На этот раз она сама решит, какое место он сможет занять в её жизни.

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Протянутая рука	5
Глава 2. Апрельский монтаж	7
Глава 3. Слово из шести букв	9
Глава 4. У моря никто не купался	11
Глава 5. Вещи в ванной	14
Глава 6. Пустая папка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В.К. Косс

Ты познакомил меня со своей женой

Глава 1. Протянутая рука

Марта несла Артёму стакан воды, когда он сказал:

— Познакомься. Это Ирина, моя жена.

Женщина рядом с ним протянула руку. На безымянном пальце было тонкое золотое кольцо. Марта почему-то заметила, что оно сидит свободно и чуть сдвинулось к суставу.

Вода дрогнула у края стакана.

— Очень приятно, — сказала Ирина. — Мы всё никак не могли встретиться лично.

Она знала Марту по письмам. Присылала тексты, просила заменить подпись под снимком, однажды поблагодарила за то, что та нашла в типографии пропавший разворот. У неё был низкий голос, совсем не похожий на голос человека, который ставит по три восклицательных знака после «спасибо».

Марта посмотрела на Артёма. Он не поправился.

За его спиной кто-то собирал пустые бокалы. Тихо звякало стекло. В зале, ради которого Марта два месяца ездила на другой конец города, толпились люди, и один из них только что спрашивал, кто придумал оставить между фотографиями такие широкие промежутки. Она собиралась ответить: я. Но Роман увёл гостя к спонсорской табличке.

Теперь её собственная ладонь зависла между стаканом и чужой рукой.

— Марта сделала нам экспозицию, — добавил Артём.

Сделала нам.

Вчера ночью он держал её за ногу, пока она сидела на кухонной столешнице и рассказывала, что на открытие придут три человека, от которых зависит её следующий проект. Он сказал: «Пусть приходят. Я бы пришёл, даже если бы фотографий вообще не было».

Она засмеялась и велела не мешать ей репетировать.

Артём быстро взглянул на Ирину и снова на Марту. Он ждал её ответа. Даже сейчас ждал, что она подберёт слова.

Марта поставила стакан на подоконник. Ирина всё ещё ждала. Секунда оказалась неприлично длинной, и Марта пожалала её руку.

— Марта Алёхина.

— Я знаю. Без вас мы бы не успели.

У Ирины была холодная ладонь. Она улыбнулась и продолжала ждать, когда Марта заговорит.

— Вы только приехали? — спросила Марта.

— Утром. Самолёт задержали, я едва не осталась в Москве. Артём не сказал?

Он двинулся, словно собирался взять Марту за локоть, и остановился.

— Здесь очень шумно. Давайте потом поговорим.

— О чём? — Ирина повернула голову к нему.

Марта успела подумать, что сейчас он скажет. Не всю правду, хотя бы одно предложение, после которого ей не придётся делать вид, что она тоже знала, куда пришла. Артём взял с подоконника стакан и выпил половину воды.

— О дороге. Ты же хотела рассказать про встречу с издателем.

Ирина нахмурилась, но Роман уже подводил к ним человека в светлом пиджаке.

— Вот они, наши главные. Артём и Ирина Ланские. И Марта, без которой сегодня всё бы висело на полу.

Человек в пиджаке улыбнулся. Марта узнала его: автор рецензии, которую она читала накануне, пытаясь угадать, чем ему может не понравиться выставка.

— Значит, это ваша работа с пространством? — спросил он.

— Да, — ответила Марта.

— Особенно этот поворот. Входишь, ждёшь продолжения берега, а там человек на кровати. Хорошо.

Она знала ответ. Столько раз объясняла этот поворот монтажникам, Роману, самому Артёму. Сейчас не могла вспомнить слово «маршрут».

— Мы хотели, чтобы...

Артём посмотрел на неё. От этого стало только хуже.

— Чтобы зритель сначала оказался внутри комнаты, — закончила она. — А не сразу ушёл смотреть красивое море.

Гость кивнул и повернулся к Артёму. Тот заговорил о съёмке. Марта слышала знакомые интонации, которыми он объяснял ей, почему на побережье нужен не закат, а утро после дождя. Ещё утром она могла слушать его часами. Сейчас каждое слово цеплялось за предыдущее и мешало вдохнуть.

За перегородкой мигнул светильник. Тая показалась в проходе и коротко подняла два пальца: один из блоков питания перегревался. Марта ухватила за это.

— Мне нужно к свету. Извините.

Она прошла между людьми, не задев ни одного. Уже в служебном коридоре обнаружила, что всё ещё держит в руке бумажный браслет от упаковки с бокалами. Подцепила его ещё до прихода гостей, собиралась выбросить. Он так и остался смятым в ладони.

— Ты чего белая? — спросила Тая.

Марта посмотрела на медные волосы подруги, собранные карандашом, на маленькую отвёртку у неё за ухом. Захотелось подойти и лбом упереться ей в плечо. В зале было восемьдесят человек, и только с одним из них можно было не подбирать слов.

— Он женат.

Тая не переспросила, кто. Медленно вынула отвёртку.

— Она здесь?

Марта кивнула.

— Он сам вас познакомил?

С другого конца коридора позвали:

— Марта, можно вас на минуту? Там вопрос по записи разговора!

Публичная встреча должна была начаться через двадцать минут. В договоре стояло её имя. Модератора нашла она. Стулья пересчитала она. Она знала, где лежат запасные батарейки для микрофона.

— Можно, — ответила Марта.

Тая взяла её за запястье. Марта разжала ладонь: на коже отпечатался край бумажной полоски.

— Ты не обязана сейчас туда идти.

— Обязана. Не ему.

Она высвободила руку и вернулась в зал. У входа стояла коробка с каталогами. На обложке были два имени: Артём Ланской. Ирина Ланская. Своё Марта уже не стала искать.

Глава 2. Апрельский монтаж

За полгода до открытия Артём Ланской приехал в галерею с тремя большими коробками. Две поставил у стены, третью уронил себе на ботинок.

— Не помогайте, — сказал он, когда Марта поднялась из-за стола. — Там в основном моё достоинство, оно уже повредилось.

Она села обратно. Пахло краской: перегородки закончили красить ночью, и рабочие оставили окна открытыми. В апрельском воздухе руки быстро деревенели, а в помещении стояла пыль, которой не полагалось быть рядом с отпечатками.

— Вы должны были привезти макеты, — сказала Марта. — А не оригиналы.

— Это пробы.

— В такой упаковке у нас холодильник перевозили.

Он посмотрел на ближайшую коробку.

— Там большие пробы.

Роман говорил о нём с той особенной интонацией, какой продюсерам сообщают о предстоящих трудностях: талантливый, самостоятельный, непростой. Марта готовилась к человеку, который станет час спорить о цвете скотча. Артём оказался мрачноватым мужчиной сорока лет, с короткими тёмными волосами и дорожной сумкой, из которой торчал пакет с яблоками. Ему хотелось немедленно развесить фотографии. Ей — сначала получить план, размеры и согласованную смету.

— У вас по одной стене слишком тесно, — сказал он, увидев схему.

— Здесь пока просто прямоугольники. Под реальные работы я ещё не собирала.

— Но вы уже отвели им по метру.

— А вы ещё не сказали, сколько их будет.

Он присел перед коробкой. Марта взяла нож для упаковки и опустилась рядом. Артём придержал картон, пока она резала ленту. Работали молча, неожиданно слаженно: никто не дёргал раньше времени и не пытался перехватить у другого инструмент.

Первая фотография изображала кровать в маленькой комнате. На спинке стула висела мужская майка. В открытом окне виднелись кусок моря и стена соседнего дома. На кровати сидела женщина спиной к камере. Лицо отражалось в маленьком зеркале на комод. Марта заметила его не сразу: сначала посмотрела на окно и море.

— Почему она не смотрит на вас?

— А должна?

— Нет. Я спрашиваю, что происходило.

Артём положил под край отпечатка чистую прокладку.

— Она ждала сына. Он уехал за новой ручкой для окна. Я попросил разрешения поснимать комнату. Сказала: снимайте, только я переодеваться не буду.

Марта поставила отпечаток у поворота перегородки, оперев на пустую коробку, и отошла к входу.

— Посмотрите отсюда.

Он встал рядом с ней.

— Что?

— Сначала окно видно. Если пройти прямо — окно и останется. А если свернуть сюда, придётся подойти ближе. — Она показала на маленькое зеркало. — Я вот только вблизи заметила лицо.

Артём прошёл к противоположной стене, вернулся к отпечатку и присел возле коробки. Марта ждала замечания, что издали лицо не увидят. Он сказал:

— Давайте эту поставим у поворота. Где вы предлагаете.

До обеда они выложили на полу всю серию. «Прибрежные комнаты»: места, где люди живут у моря, но море занимает в их повседневности меньше места, чем старый холодильник или телевизор. Марта сначала двигала маленькие бумажные макеты. Потом сняла туфли, чтобы не задеть каблуком отпечатки, и ходила между листами в носках.

Артём ничего не сказал о носках. Только отодвинул от её ноги коробку со скобами.

В два приехал Роман. Увидел работу, кивнул и напомнил о фотографиях морского обрыва: они хорошо смотрелись в рекламных материалах.

— На входе их поставим, — сказал он. — Чтобы сразу было понятно, о чём выставка.

Марта посмотрела на снимок комнаты.

— Тогда внутрь никто не пойдёт.

— Почему?

— Решат, что уже всё поняли. Море, камни, отпуск.

Роман повернулся к Артёму. Марта ещё не договорила, но её ответа он уже не ждал.

— Мне нравится поворот, — сказал Артём.

— Я слышал. Но нам ещё билеты продавать.

Марта подцепила край схемы. Её наняли делать экспозицию, а не спорить о смыслах. Хотя в письме она именно так и писала: не только техническая координация. Роман ответил: «Разумеется». Смету при этом прислал на продюсерскую работу.

Она решила вернуться к этому до подписания договора.

После ухода Романа они с Артёмом ещё час пробовали последовательность. Он не уступал по одной фотографии — почти чёрной, где из глубины коридора едва проступала рука на дверном косяке. Марта считала, что она остановит зал раньше нужного места.

— Пусть остановит, — сказал он.

— Тогда всё следующее станет приложением.

Он посмотрел на неё раздражённо.

— Люди не читают выставку так, как вы чертите стрелки.

— Поэтому стрелки и нужны. Только их не будет видно.

В конце она отодвинула снимок к выходу, отдельно от остальных. Артём встал там минут на пять. Уходя, молча постучал пальцем по макету, обозначая согласие.

Она уже складывала листы, когда он вернулся с яблоком.

— Хотите?

— Оно мытое?

Он помолчал.

— Хороший вопрос.

Вымыл оба под краном в подсобке. Принёс, завернув в бумажное полотенце. Они ели стоя у раскрытого окна. Ветер трепал край схемы, и Артём придерживал его локтем.

— Марта, а вы всегда такая сердитая на монтаж?

— Мы ещё даже не начали монтаж.

— Значит, мне повезло.

Он улыбнулся. Левый уголок рта чуть запаздывал. Марта доела яблоко, стараясь больше туда не смотреть.

Глава 3. Слово из шести букв

Через неделю Артём позвонил вечером, когда Марта стояла в магазине перед полкой с крупами. Попросил посмотреть окончательную подборку. Она сказала, что завтра свободна после четырёх.

— Я не про галерею. Там холодно. Можем где-нибудь поесть?

Она взяла первую попавшуюся пачку, посмотрела: перловка. Дома у неё уже было две.

— Поесть можем.

В кафе он пришёл без коробок и оказался выше, чем она помнила. На монтаже почти всё время сидел на корточках. Марта заметила, что у него коротко и неровно подстрижены волосы на затылке, словно парикмахер торопился или он стригся сам.

— Я сам, — сказал Артём, поймав её взгляд в зеркале за стойкой.

— Видно.

— Вообще-то не все такие честные.

Он заказал картофельный суп, она — салат и хлеб. Пока ждали, посмотрели фотографии на планшете. Марта поймала себя на том, что выбирает те, о которых он будет говорить подольше. Потом разозлилась и вернула отвергнутый кадр с пустым коридором.

— Здесь нужно больше воздуха после комнаты.

— Да, — сказал Артём и убрал планшет.

— Мы же не закончили.

— Еда пришла. А то я опять буду разговаривать, а потом обнаружу холодную ложку в рту.

Вблизи он выглядел уставшим. В белках глаз — красные прожилки, на рубашке возле пуговицы — крошечная нитка другого цвета. Он не торопил её, даже когда она замолчала, подбирая слово. Марта привыкла, что в такие паузы собеседник начинает рассказывать о себе. С ним можно было договорить.

Она рассказала про свой первый самостоятельный проект. Вернее, про замысел, который три года существовал в папке «Когда-нибудь»: небольшой цикл встреч, где разные фотографии показывали бы не лучшие снимки, а те, вокруг которых не могли принять решение. Не урок «как правильно», не разговор про технику. Возможность увидеть, из каких отказов и сомнений получается работа.

— Название есть? — спросил Артём.

— «Дальше кадра». Ненавижу его. Но другое пока хуже.

— Почему не сделаете?

— Потому что за монтаж платят. А за эту папку пока нет.

Он кивнул. Не предложил бесплатно выступить и не объяснил, что достаточно просто начать. Отломил хлеб, доел суп.

— Мне бы трудно было принести то, что я не выбрал.

— Поэтому и интересно.

— А если фотограф сам не понимает, почему?

— Тогда, может, зритель поймёт. Или станет видно, что не понимает никто. Это тоже бывает полезно.

Они спорили до восьми. В какой-то момент Марта перестала помнить, что завтра рано вставать. На планшет вернулись снимки, потом появились чужие работы, потом фотография кошки, забравшейся в аппарат для печати. Артём показал её с таким серьёзным лицом, что она не сразу засмеялась.

У кассы он спросил, может ли пригласить её в следующий раз уже без подборки. Марта почувствовала внезапную осторожность. В этой осторожности было мало романтики: голова немедленно посчитала сроки проекта, возможные ссоры, зависимость от общего заказчика.

— Вы женаты?

Он убрал карту в кошелек.

— Нет. Мы развелись.

— Давно?

— Мы больше не живём вместе с ноября.

Она заметила смену ответа, но услышала в ней продолжение первого. Люди редко заканчивают отношения ровно в тот день, который потом указывают в документах.

— Извините, что прямо.

— Хорошо, что прямо.

За окном было ещё светло. Они пошли к реке. Марта несла сумку на плече, Артём — планшет в тонком чехле. На ветру она всё время отводила волосы от лица. На третьем перекрёстке он остановился у ларька и спросил, не нужна ли ей резинка. Купил две, потому что продавались парой. Одну она сразу надела на запястье, вторую он положил в карман.

Он ещё посмотрел на упаковку: нет ли металлической скрепки, за которую цепляются волосы. Марта спрятала улыбку в воротник.

Артём не пытался фотографировать. Она спросила почему.

— Я вообще не всё время снимаю, — сказал он. — Сейчас вот гуляю.

У метро он проводил её до дверей и не поцеловал. Марта оглянулась уже на эскалаторе, хотя оттуда его невозможно было увидеть. Ей было тридцать четыре года, завтра предстояло объяснять бухгалтерии, почему вчерашняя предоплата ушла частному мастеру без удобной для них формулировки в счёте. И всё равно главным событием дня оказалась дешёвая резинка на руке.

Дома она разобрала покупки. Перловку поставила к двум другим пачкам и написала Артёму:

«Следующая встреча будет с подборкой. У меня три килограмма крупы, надо придумать концепцию».

Он ответил почти сразу:

«Женщина перед выбором. Триптих».

Марта смеялась одна на кухне. Сфотографировала три пакета, отправила матери с подписью: «Я очень хозяйственная». Потом открыла папку «Когда-нибудь» и впервые за несколько месяцев изменила в ней дату.

Глава 4. У моря никто не купался

В мае они поехали на побережье: Артём хотел доснять две комнаты для серии, Марте нужно было понять, как соединить фотографии с короткими историями, которые присылала редактор.

«Ирина Ланская», — стояло в подписи письма. Марта увидела одинаковые фамилии и спросила о них сразу, ещё в машине.

— Это бывшая жена?

— Да. Мы начинали этот проект вместе. Она делает тексты и книгу.

— Вам нормально работается?

Он посмотрел на дорогу.

— По-разному. Но там уже два года работы. Не выбросишь.

Марта кивнула. Она не раз слышала от мужчин рассказы о бывших, с которыми всё было невозможно. Артём говорил о двух годах работы. Ей это нравилось; расспрашивать дальше казалось бестактным.

Дорога петляла между низкими соснами. Накануне Марта наконец получила договор с дописанным пунктом о разработке экспозиции и авторским кредитом. Роман вздохнул, спросил, не станет ли от трёх дополнительных слов дороже, и подписал. По дороге она дважды открывала договор в телефоне — просто посмотреть на свою фамилию рядом со словом «куратор».

На берегу оказалось холодно. Никакого отпуска, никаких шезлонгов: узкая полоса песка, лодки на перевёрнутых ящиках, зелёная вода. Артём забрал из багажника камеру. Марта накинула на голову капюшон и пошла за ним по дороге, которую местные, вероятно, считали улицей.

Первым был дом Тамары Никитичны. Она открыла в мужском свитере и сразу спросила, не собираются ли они разуваться, потому что у неё холодный пол. Артём показал ей маленькую прошлогоднюю фотографию. Женщина посмотрела и засмеялась.

— А окно-то мы всё-таки сделали. Смотрите.

Новая белая рама резко выделялась на стене. Марта молча пожалела старую — на фотографии та была облупленная, красивая. Потом хозяйка сказала, что теперь не дует, и жалеть стало неудобно.

Пока Артём снимал, Марта разговаривала с ней на кухне. Хотела записать что-то про море, одиночество, ожидание сына. Тамара Никитична рассказывала про трубы. Про соседку, у которой кот вынул мясо из-под крышки. Про то, что автобус опять стал ходить реже и в четверг невозможно попасть на анализы.

— А когда сын уезжает, не тяжело одной? — спросила Марта.

Женщина удивилась.

— Он на соседней улице живёт. Вы с чего взяли?

Марта посмотрела на развёрнутый блокнот.

— Я на снимке подумала...

— А, там я сажу. Задумчивая. Я суп забыла выключить. Вот и думаю: сгорел уже или ещё успею.

Когда они вышли, Артём спросил, что удалось записать. Марта показала страницу, на которой под словом «ожидание» было написано «трубы».

Он захохотал. Неприлично громко, так что хозяйка выглянула из окна.

— Вы там чего?

— Всё хорошо! — крикнул он. — Спасибо за чай!

Марта торопливо пошла к машине. Он догнал.

— Я не над тобой.

Оба услышали «тобой» и не стали исправлять.

— Над супом?

— Немного. У тебя было такое лицо, когда она начала про кота.

— Я думала, что поняла фотографию. А она вообще про другое.

Артём убрал камеру в сумку.

— Она про комнату. Всё остальное ты принесла с собой. Это же не запрещено.

— Но если я напишу на стене про одиночество, получится глупость.

— Тогда не пиши про одиночество.

Она хотела возразить. Он стоял на ветру, шурился, держал открытой дверцу машины. Никакого торжественного разговора о природе искусства не получалось, потому что у него по щеке ползла прядь волос, а у Марты заledenели колени.

— Ты мог бы не так радоваться, — сказала она.

— Мог бы. Но не вышло.

Они поехали за горячим чаем в посёлок. В маленькой столовой шумел холодильник, пахло жареным тестом. Марта заказала два пирожка, Артём — четыре. Получив поднос, без объяснений поменял ей треснувшую чашку на свою целую. Потом обнаружил, что трещина сквозная, и пошёл менять снова. Марта смеялась, пока он возвращался с видом человека, который уже пожалел о собственной учтивости.

За соседним столом рабочие обсуждали аккумулятор. По телевизору под потолком показывали танцы. На экране кружились женщины в блестящих платьях, и Марта вспомнила мать: та недавно начала ходить на занятия и скрывала это, пока дочь не заметила на фотографии непривычные туфли.

— Моя мама сейчас так учится, — сказала Марта.

Артём поднял голову.

— Нравится?

— Ей? Кажется. Мне пока неловко, когда она видео присылает. У неё там такой партнёр, будто собирается продавать ей страховку.

— А она тебе всё равно присылает?

— Конечно.

Марта достала телефон, показала короткое видео. Мать сбивалась с шага и смеялась, а партнёр терпеливо начинал сначала. Артём посмотрел дважды.

— Хорошо, — сказал он.

— Ты ничего не понимаешь в танцах.

— Нет. Но она же радуется.

Вторая съёмка сорвалась: хозяин дома уехал к дочери, забыл про договорённость. Возвращаться в город было рано, и они пошли к воде. Ветер стих. На мокром песке лежали маленькие белые ракушки; Марта зачем-то собрала три и сразу пожалела, что карман теперь будет в песке.

Артём остановился возле старого пирса. Достал камеру, посмотрел через видоискатель и убрал.

— Не тот свет?

— Не хочу.

Марта подошла ближе. У него было красное от ветра ухо, на воротнике зацепилась сосновая иголка. Она сняла её. Он повернул голову.

На этот раз никто не говорил о фотографиях. Артём положил ладонь ей на затылок, под край капюшона. Марта успела услышать, как неподалёку хлопнула дверь машины. Потом он поцеловал её, и она перестала слушать.

Поцелуй вышел коротким — оба слишком замёрзли, чтобы красиво стоять на ветру. Марта уткнулась лбом ему в подбородок и засмеялась.

— У меня нос ледяной.

— Я заметил.

Он поцеловал её снова. Потом они долго шли к машине, то берясь за руки, то разжимая пальцы на узкой тропинке. Марта не убрала ракушки из кармана, даже когда они начали неприятно колоть бедро.

Глава 5. Вещи в ванной

В первый раз она осталась у него в пятницу. Это не было случайностью: Марта положила в сумку бельё и зарядку, потом минут десять выбирала, какую книгу взять, будто без книги ночевать у мужчины было гораздо неприличнее.

Артём снимал квартиру в старом доме. Комнаты были светлые, стены пустые. В углу стояли прислонённые к стене рамы, на полу — открытая коробка с тарелками. Переезжал в ноябре, а до конца так и не разобрался.

— У меня есть вешалки, — сказал он, заметив, как она ищет место для пальто. — Сейчас найду.

Нашёл не сразу. В шкафу на перекладине висели две рубашки и велосипедный насос. Марта решила не спрашивать.

Ужин он испортил. Хотел сделать рыбу в духовке, но слишком рано вынул, потом поставил обратно, потом начал проверять каждые две минуты, и в результате рыба стала сухой, а картофель остался твёрдым.

— В столовой на берегу было надёжнее, — сказал Артём.

— Там чашки текли.

— Зато еда была готовая.

Они поели хлеб с сыром. Марта вымыла две тарелки, он — противень. На узкой кухне приходилось раз за разом задевать друг друга. В конце он остановился за её спиной и положил подбородок ей на плечо.

— Ты ещё долго будешь искать, что помыть?

Она закрыла кран.

— Пока ты противень отскребал, я могла бы весь дом вымыть.

— Тогда хорошо, что я закончил.

Он развернул её к себе. Марта помнила, как он целовался у моря, но там были холод, ветер, капюшон. Сейчас оказалось, что можно никуда не торопиться, и от этого она разволновалась сильнее.

Артём расстегнул пуговицу на её вороте, остановился.

— Так нормально?

Она кивнула и сама потянулась к следующей.

В спальне была одна лампа, слишком яркая. Он выключил её, потом включил в коридоре свет и оставил дверь приоткрытой.

— Вот так оставь, — попросила Марта.

Он вернулся к ней. Из коридора падала узкая полоса света; теперь она видела его лицо и сама не щурилась.

Когда он целовал её живот, она неожиданно прикрыла лицо. Не из стыда перед ним — от собственной непривычной незащитности. Артём поднялся, убрал ладонь с её колена.

— Подождём?

Она покачала головой, взяла его руку и вернула. Потом сама приподнялась навстречу.

Близость не получилась безупречной. Он ударился локтем о стену, выругался шёпотом, она засмеялась и потеряла ту серьёзность, с которой пыталась всё пережить. Артём достал из ящика тумбочки презерватив. Они ещё раз остановились, чтобы не мешало одеяло. А потом Марта наконец перестала ждать от себя правильной реакции и почувствовала его — тяжесть, тепло, живое нетерпение, которое он сдерживал, пока она не притянула его ближе.

После долго лежали молча. Из соседнего дома доносилась музыка, кто-то работал дрелью, хотя время было позднее. Артём поцеловал её в сгиб локтя и остался так, прижавшись губами к коже.

— Не усни там, — сказала Марта. — Мне рука ещё понадобится.

Он пробормотал что-то неразборчивое. Она не стала переспрашивать.

Потом пошла в ванную. В стакане была одна щётка, на крючке — два полотенца, одно совсем новое. На стиральной машине стояла банка крема, которым, судя по этикетке, пользовался сам Артём. Никаких предметов, которые нужно было бы поспешно объяснять, ничего чужого. Марта поймала себя на том, что замечает всё это, и рассердилась. Она задала вопрос, получила ответ. Не обязана теперь обследовать чужую ванную.

За дверью зазвонил телефон. Мужской голос сказал: «Да, Ира». Марта достала свою щётку и медленно намазала пасту.

— Нет, я смотрел. Пятый разворот. Там лучше без этой подписи... Сейчас не могу, завтра утром пришло.

Артём говорил негромко, но не скрывался. Когда она вышла, он сидел на краю кровати.

— По книге. У издателя опять поменялись сроки.

— Тебя не тревожит, что она звонит в одиннадцать?

Он посмотрел на экран, словно только теперь увидел время.

— Мы давно так работаем. Скажу, чтобы вечером не звонила.

— Я не просила.

Он положил телефон на полку.

— Тогда не скажу.

Марта засмеялась. Он потянул её за руку к себе, и она легла рядом. Спросить ещё что-то про эти ночные звонки можно было утром.

Утром Артём ушёл за хлебом. Вернулся с хлебом, ягодами и стиральным порошком, который ей было велено не учитывать в составе романтического завтрака. Марта лежала под одеялом и смотрела, как он вынимает покупки.

— У тебя три пакета кофе, — сказала она. — Зачем ещё?

— Не знал, какой ты пьёшь.

Она показала на один. Он отставил его ближе к чайнику и пошёл в душ. Марта поднялась, нашла свою резинку для волос на его руке, сняла, пока он проходил мимо.

Он даже не спросил, что она делает.

Глава 6. Пустая папка

В июне Марта всё-таки отправила Ольге Вадимовне заявку на «Дальше кадра». Не грантовую: в культурном центре искали куратора небольшой программы на зимне-весенний сезон. Нужны были концепция, смета и портфолио. Концепция у неё имелаась давно. Смету она составила за два вечера. Хуже всего оказалось с портфолио.

Чужие имена на афишах были крупными, её — мелкими. Где-то она спасала развеску, где-то переписывала чужой текст за ночь, где-то убеждала автора убрать половину работ и делала вид, что он решил сам. Всё это называлось производством выставок. Доказать, что у неё есть собственная мысль, фотографиями готовых стен было трудно.

Тая смотрела подборку на её ноутбуке, свесив ноги с высокого стула в кофейне.

— А где та выставка с узким проходом?

— Там автор против, чтобы я писала, что маршрут придумала я.

— Почему?

— Потому что идея его, а я только реализовала.

Тая медленно сняла с ложки бумажную обёртку.

— Ты опять ему так и скажешь?

— Я уже так сказала. Два года назад.

Подруга придвинула ноутбук.

— Тогда покажи схемы. Не фотографии. Вот это до, вот это после. Ты не обязана доказывать, что научила его фотографировать.

Марта открыла старые файлы. В них были стрелки, перечёркнутые стены, карандашные пометки. Ей казалось, что эти следы работы выглядят бедно рядом с красивыми снимками. Тая ткнула в одну из страниц.

— Здесь вообще понятно, что было плохо и что ты исправила. А на стену любой может посмотреть.

За кофе платила Марта. Тая напомнила, что вечером не сможет приехать помочь: у неё свой монтаж и подрядчик, который четвёртый день обещает прислать кабель нужной длины. Марта сказала, что справится, и отметила нужные схемы. Если не успеет сегодня, отправит утром. Просить Таю приехать хотя бы на полчаса не стала.

Артём пришёл позже. Прочитал черновик, остановился на абзаце о неудачных фотографиях.

— Ты правда будешь называть их неудачными?

— Рабочее слово.

— Мне бы не хотелось, чтобы на встрече меня учили выбирать.

— Тебя никто и не зовёт.

Он поднял глаза, потом засмеялся.

— Справедливо.

— Я не хочу, чтобы ты соглашался потому, что мы вместе.

— Я и не согласился.

Сели на кухне. Она объясняла, что речь не об ошибках фотографа, а о его решениях. Он показывал, где в описании получается соревнование: угадай, что выберет мастер, докажи, что понимаешь лучше. Марта спорила, злилась, переписывала. К полуночи текст стал короче на страницу.

— Ненавижу тебя, — сказала она.

— До отправки или вообще?

Она толкнула его коленом. Он взял со стола её холодную руку, положил себе под рубашку на живот. Марта засмеялась и выдернула пальцы.

Заявку отправила сама, утром, когда он ещё спал. Копию ему не переслала. Через час получила ответ: материалы приняты, к обсуждению вернутся осенью.

В тот же день позвонила мать. Елена Дмитриевна жаловалась, что на занятиях опять достался партнёр, который считает вслух и считает неправильно.

— Так скажи ему, — предложила Марта.

— Испортить человеку вечер? Он старается.

— Он тебе весь вечер портит.

— Ничего, я и сама иногда не туда иду.

Марта улыбнулась. Спросила, не хочет ли мать приехать летом. Та замялась, потом призналась: их приглашают на небольшой танцевальный вечер в другом городе. Поедет с группой, если колено не подведёт.

— Конечно, поезжай. Я потом приеду.

— Ты одна или с этим своим фотографом?

Марта посмотрела в комнату. Артём стоял у окна в майке, держал перед собой негатив и пытался рассмотреть его на свет. Шея у него загорела, кожа под воротом осталась белой. Ей нравилась эта нелепая граница.

— Посмотрим, мам.

— Посмотрим, — повторила та с явным удовольствием. — Ну хорошо. Только вы, если приедете, дайте знать. Я бельё на большой диван куплю.

Положив телефон, Марта долго сидела на табуретке. Большой диван. Она представила на нём Артёмову сумку, его рубашку на спинке стула. Мать на кухне спрашивает, сколько ему сахара. Захотелось немедленно позвонить и сказать: мы ещё ничего не решили.

В воскресенье они выбрались за город. Не на съёмку — просто бродить. Артём всё-таки взял маленькую камеру и почти не доставал. Марта сняла на телефон его самого: он сидел на корточках у воды и пытался вытащить из ботинка камешек. На снимке лицо было недовольное, нога нелепо вывернута, а весь вид напоминал большого человека, которому не дали спокойно испортить себе прогулку.

— Удали, — сказал он, заглянув в экран.

— Нет.

— Я тебя так не снимаю.

— Ты меня вообще не снимаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.